

В. В. Андреев

**Очерк деятельности князя А.М. Курбского на
защиту православия в Литве и на Волыни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

В11 **В. В. Андреев**
Очерк деятельности князя А.М. Курбского на защиту православия в Литве и на Волыни / В. В. Андреев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 36 с.

ISBN 978-5-518-04639-9

ISBN 978-5-518-04639-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на неправильность развода. Король, не признавъ этого дѣла себѣ подсуднымъ, передалъ его на разсмотрѣніе духовнаго митрополитскаго суда. Согласно съ рѣшеніемъ митрополита, стороны покончили дѣло мирною сдѣлкою, на основаніи данныхъ другъ другу записей. Среди всѣхъ непріятностей и нестроений общественныхъ и семейныхъ невольно вспоминалась Курбскому «земля Божія.» Съ глубокою горестію принималъ онъ доходившіе до него слухи о новыхъ казняхъ и истязаніяхъ ближнихъ и родственниковъ, о неистовствахъ новыхъ любимцевъ царскихъ, «новыхъ вѣришковъ дьяковъ, которые царя кормили половиною, а большую себѣ брали.» Доходили слухи, что эти «отъ блуда зачатые согласники дѣламъ антихриста, которыхъ отцы боярскимъ отцамъ въ холопство не пригожались. теперь, не только владѣли боярскими имѣніями, но и торговали боярскими головами. Мало того самъ царь, среди «дѣлъ афродитскихъ и жертвъ кроновыхъ», находилъ время писать «широковѣщательныя и многошумящія эпистолы.» Такъ въ длинномъ цитатами и текстами пересыпанномъ отвѣтѣ на первое письмо Курбскаго Іоаннъ, во всеоружіи исторической логики, доказывалъ измѣннику, что «Россійское самодержавство сами изначала владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи», и что «если царю не повинуются подвластные, то никогда не престанутъ они отъ междоусобной брани, потому что злоба обычна: сама себѣ хапати.» Какими бы бабскими баснями ни казались Курбскому строки Іоанна, однако отвѣчать ему нечего было. Царь далеко не сочувствовалъ идеалу Курбскаго и его товарищей, что бояре—«князья земли.» Нельзя точно также было выставить царю и польское правленіе, столь противное, какъ идеалъ государственной жизни. Нечѣмъ было отразить ядовитую насмѣшку Іоанна, что князь не хотѣлъ быть подъ властію Божіей десницы, а пожелалъ самовольствомъ самовольно жить, и искалъ себѣ такого государя, который ничѣмъ не владѣлъ самъ по себѣ, а былъ лишь худѣйшимъ отъ худѣйшихъ рабовъ, потому что никому не повелѣвалъ, а напротивъ всѣ ему повелѣвали.» Въ такомъ духѣ царь писалъ не одно письмо, а нѣсколько. Кратко отвѣчалъ ему Курбскій, кратко потому, что «не достоинъ мужамъ рыцарскимъ свариться, какъ рабамъ»,— съ краткостію, однако, соединялось и «многое до-

сидительство», много личных укоровъ, обвиненій и нападокъ ¹⁾).

Гораздо сильнѣе всякихъ другихъ дѣлъ общественныхъ тревожили Курбскаго дѣла вѣры. Не даромъ ему представлялось московское царство подобіемъ «Вавилона, кипящаго бѣдами и папастыи», не даромъ въ письмѣ къ царю упоминаетъ онъ объ антихристѣ. Истекала седьмая тысяча, наступало апокалипсисомъ предсказанное «число звѣрно.» Какъ сынъ своего вѣка Курбскій вѣрилъ въ скорое пришествіе «богоборца.» Совершавшіяся вокругъ него событія только усиливали эту вѣру.

Если уже въ XV вѣкѣ пограничные московскіе архіереи замѣчали, что въ Литвѣ происходитъ что-то недоброе и доносили въ Москву «что окаянныя литовскія дѣла прозябли и въ русской землѣ въ отчинѣ великаго князя, отчего бѣда стала земская да печесть государская великая»: то теперь ересь была въ полномъ ходу въ Рѣчн Посполитой. «У насъ», доносилъ папѣ епископъ вратиславскій въ 1525 г. «столько вѣръ и религій, сколько головъ, потому что совѣсть у всѣхъ разнуздалась.»

«Дымится цѣлая Польша, роятся секты, и никто, по примѣру невѣжественнѣйшаго государя, не защищаетъ ульевъ Господнихъ отъ этихъ трутней», писалъ въ 1566 году кардиналу Гозію, знаменитому поборнику католицизма въ Европѣ, его клеветы пизъ Польшы.

Дѣйствительно, и Курбскій замѣчалъ, что увлеченные повзною неудержимо ринулись поляки «въ пространнѣй и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и прочихъ сектъ, отринувъ путь Господень.»

¹⁾ „Характеръ переписки между Иваномъ и Курбскимъ чисто личный, ничего государственнаго въ ней нѣтъ и наименѣе государственности въ томъ, въ чемъ ее нѣкоторые видѣли.“ Такъ выражается, отвергая извѣстное мнѣніе Соловьева, авторъ статьи „о Курбскомъ“, недавно напечатанной въ Извѣст. и Учен. Зап. Имп. Каз. Универс. 1873 г. № 4 (іюль—августъ). Но историки новой школы, какъ называетъ авторъ Соловьева и держащихся его мнѣній, разсматриваютъ цѣлѣй строй исторической жизни народа и государства, а не доблести отдѣльныхъ лицъ и ихъ беззаконія. Съ этой то точки зрѣнія никакъ не назовешь Курбскаго „гражданиномъ — представителемъ идеи прогресса, воюющимъ противъ тупаго абсолютизма“, представителя котораго видитъ авторъ въ Иванѣ IV.

Король, руководимый не выбором совѣсти, а человекомъ, который на то время въ дѣлѣ религій больше имѣлъ значенія, чѣмъ всѣ епископы, т. е. наивысшимъ канцлеромъ Николаемъ Чернымъ Радзивилломъ, король колебался въ сомнѣніи и присутствіемъ своимъ при кальвинскомъ богослуженіи былъ готовъ узаконить новое вѣроученіе. Архіепископъ гнѣзненскій, примасъ польской церкви, «legatus natus», тайкомъ запершись съ еретиками совѣщался о реформѣ костела въ Польшѣ, объ отдѣленіи его отъ Рима. Епархіальные епископы болѣе занимались своими дѣлами и въ то время, какъ реформаты съ жаромъ распространяли свое ученіе, они строили себѣ новые дворцы.

Сановники короны и княжества, во главѣ которыхъ стояли любимцы слабаго короля Николай Черный и Николай Рыжій Радзивиллы не только открыто исповѣдывали протестантизмъ, но и распространяли его въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и королевщинахъ, выгоня латинскихъ священниковъ изъ ихъ приходовъ и поставляя на ихъ мѣсто кальвинскихъ пасторовъ.

Въ Вильнѣ, столицѣ великаго княжества, была выстроена противъ католическаго костела реформатская церковь и «костельное пѣніе стало заглушаться громкими звуками протестантскихъ гимновъ» жаловались католики. «Храмы Господни осквернены», доносилъ въ то же время католическій епископъ въ Вильнѣ Валеріанъ Проташевичъ кардиналу Гозію, «и на ихъ мѣстѣ воздвигнуты синагоги сатаны.»

Ересь взяла такую силу, что когда Стефанъ Баторій вздумалъ было ограничить ея распространеніе и стѣснить реформатовъ, то раздался сильный протестъ, во главѣ котораго сталъ заслуженный и маститый еретикъ Евстафій Воловичъ, наивысшій канцлеръ литовскій. Стефану Баторію тогда пришлось грамотою подтвердить, что «наука евангелія Сына Божія, справляемая въ костелахъ гельвецкихъ отъ паневжскаго кабоженства реформованныхъ, должна соблюдаться въ Вильнѣ навѣки непорушно.» Если въ литовскомъ княжествѣ такъ сильна была ересь среди католиковъ, то съ неменьшею силою распространялась она среди православныхъ Литвы и Волыни.

«Скверными догматами подуцаема мало не вся Волынь заразилася и псецѣльный болитъ», жалуется Курбскій. Въ самомъ дѣлѣ, распространяемая здѣсь бѣглыми изъ московскаго государства

монахами, осужденнымъ въ Москвѣ за ересь, «наука стародавняя отъ Св. Писма» вербовала себѣ приверженцевъ «среди дѣтокъ языка русскаго.» которые громили «Сатану, затмившаго слово святое въ пропасти римскаго и греческаго Вавилона», какъ сказано въ предисловіи къ кальвинскому катихизису, напечатанному въ Носвижѣ Симономъ Буднымъ въ 1562 г. по русски²⁾).

«Пребогатѣйшіе властелины многого рода презлпшнѣго пскол дерзнули на такое непреподобіе», говоритъ Курбскій, «а гдѣ начальники произволяютъ, тамъ и всенародства воля несется пли устремляется.» Изъ этихъ словъ видно, что Курбскій распространіе ереси приписывалъ не движенію народа, а усиліямъ пановъ, и онъ не ошибался, какъ увидимъ. Живя среди людей, «въ ересехъ различныхъ развращенныхъ» онъ не разъ сталкивался съ еретиками.

Такъ въ 1575 году Курбскій былъ на пиру у князя Богуща

²⁾ Андрей Венгерскій (*Slavonia reformata*) въ числѣ трехъ монаховъ называетъ Θεодосія. Этотъ Θεодосій есть не кто иной, какъ Θεодосій Косой, осужденный въ 1555 г. въ Москвѣ за ересь и убѣжавшій въ Литву. Лукашевичъ (*Dzieje Koscowyzn. helw. w Litwie*) называетъ его распространителемъ протестантизма въ Литвѣ. Зиновій Отенскій, подробно разобравшій ученіе Θεодосія Косаго, говоритъ: „антихристъ Востокъ весь разврати Бахмитомъ, Западъ же Мартиномъ Нѣмциномъ, Литву же Косымъ.“ (Зип. отъ Истины Показ., стр. 49) Основываясь на этомъ митр. Евгеній (Сл. Ист. Пис. Дух. чина, стр. 191) признаетъ въ Θεодосіи Венгерскаго Θεодосія Косаго. Филаретъ (Ист. Церкви III, стр. 64 прим. 144) отвергаетъ только починъ въ дѣлѣ распространенія протестанства и не признаетъ Θεодосія кальвинистомъ. Соловьевъ (Ист. Рос. VII. стр. 124) и преосв. Макарій (Ист. Церкви VI, стр. 275 прим. 360) оба говорятъ, согласно свидѣтельству Зиновія, что Косой распространялъ свое ученіе на Литвѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и мнѣніе Руднева (см. Разсуд. о ерес. и раск. Н. Руднева, стр. 127). Костомаровъ въ статьѣ: Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣѣ (Истор. мон. и изсл. I, стр. 425) отвергаетъ показаніе Венгерскаго, на томъ основаніи, что годъ пришествія Θεодосія въ Литву показанъ 1552, а Косой не могъ выйти изъ Москвы ранѣе 1555 г. Косой отвергалъ божество Іисуса Христа, а пришедшіе изъ Москвы монахи не представляются у Адріана такого рода еретиками. Замѣчаніе Костомарова опровергается замѣчаніемъ пр. Макарія, что „Венгерскій, основываясь только на устныхъ преданіяхъ, могъ легко допустить нѣкоторыя хронологическія и другія неточности въ своемъ разсказѣ.“ Относительно втораго пункта можно замѣтить, что точнаго опредѣленія ученій вольнодумцевъ тогда не было, да и быть не могло.

Оеодоровича Корсцакаго, воеводы земли волынской, старосты луцкаго, брославскаго и винницкаго, съ которымъ они вмѣстѣ разорали область великолуцкую. Здѣсь въ числѣ приглашенныхъ были и проповѣдники новаго ученія. Особенною горячію отличались трое—панъ Оеодосій, панъ Игнатій, да панъ Кадіанъ Чапличъ Шпановскій.

Первый былъ не иной кто, какъ Оеодосій Косой.

По происхожденію Оеодосій былъ «рабъ единого отъ слугъ царевыхъ.» Мужествомъ и разумомъ своимъ улучилъ онъ свободу: обокравъ господина онъ бѣжалъ на Бѣлоозеро въ монастырь, гдѣ и постригся. Но и въ монастырѣ не усидѣлъ онъ спокойно. сталъ учить и собирать слушателей. Про его ученіе узнали. свезли на Москву и засадили въ монастырь. Приласкавшись къ стражѣ его охранявшей, Оеодосій бѣжалъ и явился въ Литву. Здѣсь онъ женился на вдовѣ еврейкѣ и сталъ на свободѣ проповѣдывать свое ученіе.

Второй, Игнатій, неизвѣстнаго происхожденія монахъ, былъ его послѣдователемъ и съ нимъ вмѣстѣ бѣжалъ изъ заточенія монастырскаго въ Литву. И онъ, подобно Оеодосію, сбросилъ здѣсь съ себя монашескій сапъ и женился.

Послѣдній, панъ Шпановскій, родственникъ хозяина, былъ туземнымъ ихъ послѣдователемъ. Разгоряченные виномъ и разговорами паны не удержались отъ преній. Особенно спорилъ панъ Чапличъ. Хотя уже онъ былъ не въ молодыхъ лѣтахъ, однако такъ горячился, что не давалъ противнику возражать. Споръ кончился, но не кончился съ нимъ пренія. Желая убѣдить упорнаго князя, ревностный послѣдователь новаго ученія прислалъ Курбскому «шпроковѣщательную эпистолію съ должайшею экзордією», на которую послѣдовалъ малый сокращенный отвѣтъ князя. Указавъ пану на мутный источникъ «Лютсра псевдопрофита» и туземныхъ его послѣдователей, Курбскій не желаетъ слушать его поученій, держась отцевъ церкви восточной, которые не хотѣли имѣть ничего общаго съ еретиками.

«Герцуй, пане, какъ хочешь, по стремннамъ, у всякаго человека свой разумъ, а я не привыкъ внимать еретическимъ бреднямъ»: заключаетъ онъ.

Панъ Шпановскій былъ такой человекъ. которыхъ много можно было встрѣтить въ Рѣчи Посполитой.

Про него могъ сказать Курбскій, что онъ съ товарищи не такъ ради ученій, яко зацныхъ для своихъ наней отринулъ нравовѣріе, отринулъ узкій путь, предпочитая ему путь широкій, «брюхо ласкающій.»

Это и понятно: въ эпоху сильнаго религіознаго броженія, когда, какъ мы видѣли, волновалась вся Рѣчь Посполитая, человекъ искалъ выхода изъ тяготившаго его сомнѣнія, изъ нравственнаго нестроенія. Старыя вѣрованія были разрушены, новое ученіе вносило путаницу въ неподготовленные умы, не давая ничего положительнаго. Но сомнѣніе это было извнѣ навѣянное, на немъ не лежало отпечатка той внутренней тяжелой борьбы, которая затрогиваетъ человека во всемъ его существѣ и не даетъ ему покоя, до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится, и какъ таковое, сомнѣніе это также быстро изчезло, какъ быстро возникло, не оставивъ почти слѣда. Такіе люди, какъ Чапличъ, «на сѣздахъ, на пирахъ съ жартами и шутками, паразитски, съ кубками мальвазіи въ рукахъ, вѣщавшіе евангельскія проповѣди, толковавшіе и поносившіе творенія отцевъ церкви, не читавъ ихъ, потому что по гречески и полатыни не разумѣли, а въ переводѣ не всѣ книги есть, а которыя найдутся, такъ и тѣ записаны переписчиками,»—такіе люди, какъ ихъ характеризуетъ князь Курбскій, естественно не могли остановиться и шли дальше до совершеннаго отрицанія или же возвращались назадъ. То, что происходило съ одною личностію, повторялось и въ цѣломъ народѣ.

«Въ Польшѣ», говорятъ ся историкъ реформаціи, «одни хотѣли ввести лютеранизмъ, другіе ученіе Цвингли и Кальвина, иные вновь ученіе Арія, нѣкоторые думали очистить церковь и создать оторвавъ отъ Рима свою національную, «*kościół narodowy polski*.» На восточную окраину вышвырнула Европа представителей всякихъ сектъ своихъ. Здѣсь можно было встрѣтить и лютеранъ и цвингліанъ и кальвинистовъ, унитаріевъ, социніанъ, анабаптистовъ, чешскихъ и моравскихъ братьевъ. Папы и католики и православные, если не склонялись прямо къ новому ученію, то смотрѣли на него сквозь пальцы, любили бесѣдовать съ еретиками и повинувшись общему увлеченію, давали имъ пріютъ въ своихъ замкахъ. Къ числу такихъ принадлежалъ и самъ патроцъ русской церкви «гетманъ храбрый и славный, въ нра-

вовѣрныхъ догматахъ свѣтлый и во всякомъ благочестіи сіяющій», князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій. Въ его домѣ жилъ въ то время нѣкто Мотовило, проповѣдникъ аріанизма, писавшій полемическія разсужденія противъ католической церкви. Князь Острожскій вздумалъ послать Курбскому одинъ изъ такихъ трактатовъ. Князь Андрей пришелъ въ негодованіе и письмомъ просилъ пана воеводу не присылать ему ничего подобнаго. «Мнѣ, слугѣ твоему вѣрному и пріятелю присяжному, на что сей въ домѣ гной? Перестань дружитья съ непріятелями и супостатами, уподобься праотцамъ по ревности къ благочестію», писалъ онъ ему.

Поддерживая князя воеводу въ отеческой религіи Курбскій не забылъ и другаго пана, счелъ нужнымъ напомнить и ему, отступнику, о вѣрѣ отцевъ. Панъ этотъ былъ Евстафій Воловичъ, каштелянъ Троцкій, доводившійся родственникомъ Курбскому по жепѣ.

«Время бодрствовать и зѣло чюйнымъ быть», писалъ онъ ему, «появившіяся на главахъ нашихъ сѣдны указываютъ на приближеніе смерти.» «Смотри, въ какое мы живемъ время, враги нападаютъ со всѣхъ сторонъ, а мы безглавы», т. е. живемъ въ междуцарствіе. «Вопитиу Господь напоминаетъ намъ, ожидая нашего обращенія.» Панъ не послушалъ, однако, и умеръ еретикомъ, послѣднимъ еретикомъ знаменитаго дома Воловичей.

Несмотря на быстрое и сильное, повидимому, распространеніе въ Рѣчи Посполитой, ересь стала быстро исчезать. Старшее поколѣніе, да и то не въ полномъ составѣ, осталось вѣрно принятому имъ-новому ученію, младшее возвратилось къ вѣрѣ предковъ.

«Польша», могъ съ торжествомъ сказать Гозій, «сохранила свою чистую дѣвственность, не поддавалась соблазну діавола и принятое въ простотѣ отъ предковъ ученіе всегда была готова защищать ревностно.» Католическая дѣвственность массы не была нарушена; протестантизмъ былъ чуждъ польскому народу, не вытекши изъ историческихъ его потребностей, а будучи «со стороны занесенъ купцами, да учащими юношами, благодаря легкомыслію и жадности до новостей», какъ говоритъ современный историкъ польскій. Паны, и католики и православные, быстро обращались изъ ереси къ церкви. Къ числу такихъ новообращенныхъ принадлежалъ и пріятель Курбскаго панъ Федоръ

Бокей Печихвостскій, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій на Волынѣ. Узнавъ изъ письма пана Федора о его обращеніи, князь Андрей въ двухъ посланіяхъ изъясняетъ ему свою радость и совѣтуетъ твердо держаться отеческихъ догматовъ. Съ церковнымъ ученіемъ и «паказаніемъ» князь тѣсно связываетъ и христіанскую строгую жпзнь. Ересь, по его мнѣнію, потому и была спльна, что вмѣстѣ съ разнузданностію совѣсти разнуздывались и страсти. Поэтому, какъ необходимое добавленіе, онъ совѣтуетъ пану воздерживаться отъ «брюхо ласкающаго» пути.

Между тѣмъ, павшее наврремя, католичество успѣло оправиться и съ новою силою принялось за искорененіе еретиковъ, схизматиковъ и диссидентовъ. Епископы, по совѣту Гозія, одинъ за другимъ призывали себѣ на помощь іезуитовъ. Епископъ виленскій Валеріанъ Проташевичъ, по постоянному канцлѣ, сталъ искать помощи въ коронѣ, и въ 1570 году открылъ въ Вильнѣ первый, правильно организованный, коллегіумъ іезуитскій, подъ управленіемъ Станислава Варшевицкаго. «ко наукомъ и цвнченію сыновъ земскихъ», какъ сказано въ королевской грамотѣ. «Честные презвитеры римскаго костела», какъ называетъ Курбскій іезуитовъ, наводнили всю Рѣчь Посполитую своими проповѣдями и сочиненіями, толпами приводили развращенный народъ въ лоно римской церкви и очищали костелы отъ реформованнаго набоженства.

Народъ обращался потому, что не могъ привыкнуть къ новому ученію, силою навязанному паномъ или его подстаростою, а паны обращались потому, что имъ тяжело было отвыкать отъ «злосливыхъ справъ панежскихъ», рѣзко противорѣчившихъ строгому духу протестантства.

Вмѣстѣ съ еретиками іезуиты преслѣдовали и православныхъ схизматиковъ. А церковь православная находилась въ положеніи весьма безотрадномъ. «Епископы велми нерадно и неслушно правили церковію, церкви Божіей и людямъ кривды дѣлали.» Не только правительство польское замѣчало, что «между духовенства греческаго закона блуды и распущенства ся великія дѣютъ» и предписывало ихъ исправить, само православное общество умоляло архіереевъ принять мѣры къ искорененію церковныхъ золъ. «Всеи велицѣ утѣснены, плачемъ и скитаемъся,

яко овцы пастыря пенмущіе», писали дворяне галицкіе митрополиту Описпфору Дѣвочкѣ, «негодныя въ такой великій санъ епископскій вступаютъ и на столѣ епископскомъ съ женами безъ всякаго стыда живутъ и дѣтей плодятъ. Наставлюся епископовъ много, на одну столицу по два, а затѣмъ и порядокъ сгибѣ.» «Въ нынѣшнія времена рыдательныя», горько жалуется проповѣдникъ, «сперва поживетъ человекъ въ мірѣ, послужитъ грѣху, а затѣмъ приходитъ будто бы служить Богу. Слугою Божиимъ становится не по достоинству, а похищаетъ санъ святой, ради сребролюбія, не для того, чтобы умножить талантъ Божій, но для того, чтобы возвратитъ себѣ деньги съ двойною и тройною лихвою. Служа здѣсь Христу легко получаютъ то, что не могли получить служа діаволу въ мірѣ. Обогащаются они милостынею, а бѣдныхъ и знать не хотятъ, потонули въ сластяхъ міра, окруженные ласкателями и тунеядцами они пожираютъ труды нищихъ. Объ остальномъ помолчу и слезами затру! Таковы теперь наши наставники: размножаютъ они не хвалу Божию, а гордыню не Христу работаютъ, а тщеславію.» Дѣйствительно такова была «шляхетне уроджоная іерархія»: епископы поставлялись вопреки каноническимъ правиламъ, вели жизнь нетрезвую, даже развратную, въ своевольствѣ не уступая свѣтскимъ панамъ; передавали духовныя должности по наслѣдству «Jus patronatus» или говоря языкомъ того времени, «право подаванья костела римскаго и церквей греческихъ», вносило раздоръ въ церковь, перепутывая отношенія, ставя рѣшителями церковныхъ вопросовъ людей свѣтскихъ, иногда не принадлежавшихъ церкви и даже жидовъ. Занятая своими собственными дѣлами іерархія смотрѣла сквозь пальцы на отпаденіе православныхъ, не принимая никакихъ мѣръ. Совращенія православныхъ, и по замѣчанію Курбскаго, происходили «простоты ради и глубокаго неискusstва церковниковъ русскихъ, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ.» За дѣло защиты православія взялись тогда свѣтскіе люди. Къ этому времени относится возникновеніе братствъ во Львовѣ и въ Виднѣ. Эти-то братства «фундованныя учтивыми людьми мѣщанами закона греческаго», «управляемые» польскими королями, стояли подъ непосредственнымъ покровительствомъ восточныхъ патріарховъ, считали въ числѣ своихъ членовъ лучшихъ людей того времени, споси-

лись прямо и непосредственно съ государями московскими и князьями валашскими, словомъ перенесли на себя нѣкоторыя права и преимущества іерархін. Последняя не могла оставаться равнодушною къ умаленію своего вліянія и заводила нескончаемые раздоры.

На сторонѣ братствъ находились и патроны русской церкви и во главѣ ихъ наивысшій патронъ, князь Константинъ Острожскій.

Его болѣе другихъ смущали церковныя нестроенія. Съ горестію смотрѣлъ онъ на положеніе православныхъ, угнетаемыхъ не только извнѣ, но и раздираемыхъ внутренними неурядицами. «И отъ чего пнаго размножилось между людьми такое лѣннество, оспальство и отступленіе отъ вѣры», писалъ онъ, «какъ отъ того главнымъ образомъ, что устали учителя, устали проповѣдники слова Божія, устали науки, устали казанья, а затѣмъ наступило знищенье и уменьшенье хвалы Божіей въ церкви Его, наступилъ голодъ слушанья Слова Божія, наступило затѣмъ отступленье отъ вѣры и закона».

«Имя этого Нумы во время мира, и Ромула во время войны пользовалось такимъ уваженіемъ среди русскаго народа», доносили папѣ изъ Польши, «что еслибы онъ обратился въ лоно римской церкви, то увлекъ бы за собою множество народа». Іезуиты не замедлили воспользоваться имъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ искренно желалъ поправить дѣла своей церкви, доставить силу ея іерархін. Подозрѣвая быть можетъ протестантскія стремленія въ братствахъ, видя радость еретиковъ, привѣтствовавшихъ появленіе «новой секты. что заводится между понами, находящимися подъ панами ново-вѣрными, князь воевода прислушивался къ толкамъ и проповѣдямъ іезуитовъ. Чистосердечно желалъ онъ «з годы и единенія съ тріумфующимъ костеломъ», какъ называлъ онъ римскую церковь въ письмѣ къ папѣ, но только съ согласія вселенскихъ патріарховъ и князя великаго московскаго «поразумѣвшись съ духовенствомъ земли его и указавши ему, какое гоненіе, поруганіе народъ здѣшній русскій въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ церковныхъ терпитъ». Недаромъ бесѣдовалъ онъ объ уніи съ папскимъ легатомъ Антоніемъ Поссевиномъ; теперь со вниманіемъ читалъ онъ разсужденія іезуитскаго златоуста Петра Скарги и недоумѣнія свои, какъ видно, изложилъ въ письмѣ Курбскому, причемъ послалъ